

Город, о котором буду рассказывать, существует только для меня. Стоит отвернуться, отвести глаза, и реальность, принадлежащая другим людям, затмит и уничтожит его. Мой Бийск живёт в параллельном и невероятно сложном мире, подобном пространствам Римана, лишь иногда пересекаясь с тем городом, что описан в трудах историков, журналистов, в сочинениях школьников, стихах поэтов.

У Моего Бийска своя история. Она не укладывается в рамки линейного времени и трёхмерного мира. Здесь множество исходных точек, легко превращающихся в конечные или в неизведанные ответвления пространства, поэтому город может строиться, начиная с любого места и любого момента времени.

Мой Бийск – это роман. Родившись однажды малым побегом из невидимого зёрнышка в сознании, он уже никогда не закончится. Это роман-дерево, от космического ствола которого будут расти бесчисленные ветви и ветви ветвей. И в каждой из них – образы города в тысячах вариантов, во временных, пространственных, виртуальных отражениях и отражениях отражений. Здесь нет сюжета, нет хронологии. Кто-то скажет, что это не роман. А я говорю – роман. Мой роман с моим городом.

Бийск в параллельном мире, вернее – в параллельных пространствах моего мира, живёт,

стучится в сердца людей и одновременно не существует нигде, кроме сиюминутного образа в моём сознании. Не удивляйтесь, друзья, но ни один из тех, кто, как считается, управлял городом или числился знаменитым, не оставил следа в Моём Бийске. Кроме... одной женщины, которая стояла у руля некоторое время. Не знаю, какую она была в роли чиновника, но её образ для меня совместился с одной осенней сказкой.

Рябиновая сказка

Каков наш город сегодня? Он похож на Новый Вавилон, вобравший в себя прошлое, и в то же время – в его плоть вклинилось будущее. Однажды мне довелось увидеть это воочию.

Торопилась, опаздывала на встречу с одной знакомой. А тут автобус сорок седьмого маршрута подкатил, и дверца сама собою откинулась, и сидений пустых обнаружилось множество. Глазом отметила на маршрутной табличке конечный пункт – центр города, и прыгнула внутрь: – Авось, доберусь!

Сначала маршрутка бежала привычным путём. Но на перекрёстке Митрофанова и Мерлина, вместо того чтобы свернуть к вокзалу, вдруг двинулась по прямой без остановок. Я и моргнуть не успела, как уже привычный поворот остался далеко позади. Промелькнула Иркутская, но автобус уходил всё дальше, в сторону

окраины. И только на Угольной свернул в направлении центра.

– Ничего, – сказала я себе. – Выйду через три остановки, это будет где-то как раз напротив нужного дома. Опоздать-то, я всё равно опоздала.

Так и сделала.

Когда закончились берендеевы деревянные избушки, я оказалась на переходе через рельсовые пути. Слева выглядывал игрушечный теремок вокзала. Направо – рельсы уходили вдаль и упирались на горизонте в недоступные небеса. Прямо по курсу передо мной раскинулась улица МПС, единственная в городе, по которой проносились скорые поезда и увозили пассажиров в иные миры – куда-то в глубь необъятной, тоскующей по людям страны.

Запах просмолённых шпал, далёкие гудки электровоза, зелёные длинные тела пассажирских составов, рельсы, улетающие в небо – захотелось немедленно войти в вагон, устроиться у окна и под стук колёс мчаться в просторы полей, преодолевая пространство и время.

Но я уже покинула бесконечный рельсовый коридор и оказалась под сенью рябинового леса на улице МПС. Огромные рябиновые деревья дружно росли вдоль асфальтированной проезжей части, возле деревянных двухэтажных домов, во дворах – повсюду. Листва уже опала и жёлто-красными шелестящими сугробами лежала под ногами.

Вершины деревьев, сплошь украшенные увесистыми алыми гроздьями, роняли ягоды на асфальт, на крыши сараев и гаражей. Тишина ненадолго притихшей железной дороги приносила издалека гул плотного простран-

ства, похожий на голоса радиозфира или космический шум звёзд. Слева на бетонном пьедестале стоял молча локомотив паровоза – памятник первой железной дороге.

По асфальту, усыпанному алыми слезами рябин, я уже подходила к привокзальной площади – просторной, неузнаваемо новой, обрамлённой стеклом новоявленных супермаркетов, увенчанной игрушечным теремком вокзала. Вид города с улицы МПС открывался по-иному, в сравнении с привычным взглядом спешащего к поезду пассажира.

– Такого города я ещё не знала – волшебный городок в рябиновом наряде. Спасибо сорок седьмому маршруту – без него я не увидела бы этой картины.

Осенняя сказка улицы МПС. Да, друзья мои, думаю, пришло время рассекретить название. МПС – Министерство путей сообщения. Улица МПС – это городок железнодорожников. Вот с этой самой улицы МПС когда-то Шукшин отправился навстречу судьбе.

Вокзал станции «Бийск» – цветной игрушечный теремок.

Осень печалится, ветер гудит золотой.

Мог ли это представить себе Шукшин...

наверное, мог –

Даже в прежние времена. Даже в реальности той,

Что предъявляла ему свой несправедный иск –

Мало ли кто приобщится к звучанию лир!

Здесь, от вокзала крошечной станции «Бийск»,

Начиналась дорога в мир.

На улице МПС
Возле домов деревянных, скрипучих
на улице МПС
Лес рябиновый, плач горючий –
слёзы кровавые падают прямо с
небес.
Тяжесть гроздьев – к жестокой
стуже,
Затяжной зиме, ветрам ледяным.

Ну, что же – тем лучше, чем
хуже!
Отсюда рельсы уводят к мирам
иным.
Здесь, возле домов деревянных,
скрипучих,
На этой самой улочке МПС,
Лес рябиновый, плач горючий,
Рельсы стальные вдали
Упираются в твердь небес.

* * *

Я уходила всё дальше от рябиновой сказки, гудящих бесконечных рельсовых путей, но улица МПС оставалась в сердце, ведь её продолжением была вся Сибирская магистраль. Улица МПС длиною в тысячи километров – поющее древо стальных путей, дорога судьбы.

Вот таким, впустившим в себя будущее, наш город стал недавно, именно тогда, когда приобрёл женское лицо. В этот момент образ той самой женщины, отмеченной печатью интеллекта, соединился для меня с рябиновой сказкой улицы МПС. И навсегда остался в моём городе. Что бы и кто бы ни говорил о ней как о чиновнике, я этого уже не услышу, потому что не хочу слышать. Время и так разрушит всё. Зачем же мне потакать ему – вечному цинику и насмешнику!

Бийск, улица МПС и район ж/д вокзала 2014 г

ДАВНЯЯ, ДАВНЯЯ НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

*Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим...*

Булат Окуджава

Сейчас я расскажу вам, друзья, ещё одну сказку, которая началась тридцатого декабря 1969 года, когда поезд «Томск-Бийск» прибыл в конечный пункт следования с опозданием на три часа. Время перевалило за полдень, но ненастье, захватившее юг Сибири, делало день похожим на болотистый глухой вечер. Крошечное здание железнодорожного вокзала тонуло в сугробах. Снег валил так густо, что в его потоке едва можно было различить силуэты станционных служебных забегаловок и деревянный фасад диспетчерской

автовокзала. Казалось, в десяти метрах от вокзальной площади нет уже ничего – только пустота и молчание необъятных диких полей, навсегда занесённых вечными снегами. Только холод и ветер. Только равнодушие ледяных просторов, готовых высосать до вакуума всё живое. От этого обитаемый мир представлялся тесным и беззащитным.

Площадь, где обычно рядами стояли рейсовые автобусы с плоскими, накрытыми кожей радиаторными лицами, была пуста. Все, кто покинул вагоны прибывшего

поезда, мужественно, но как-то безнадежно, двинулись в сторону города – брели через площадь, проваливаясь в пуховые заносы, прираставшие прямо на глазах. Чемоданы и сумки двигались вслед за людьми и оставляли в снегу неровные колеи. А снегопад тут же заваливал, заравнивал эти невольные «лыжни». Оставались видимыми на какое-то время лишь глубокие отпечатки провалившихся ног. Эти призрачные траектории чем-то напоминали журавлиный клин, затерявшийся в мутном небе.

– Граждане пассажиры! – придушенным сопрано воззвал оживший громкоговоритель. – Объявленное на трое суток штормовое предупреждение продлено ещё на двадцать четыре часа. Все междугородние и пригородные рейсы с автовокзала отменены.

В воздухе ещё с минуту висел гул невидимого эфира, а потом раздался странный «хрюк», и радиоточка замолкла с металлической уверенностью в окончательном исполнении долга. Но в тесноте и полном безлюдье захваченной в снежный плен привокзальной площади даже и это короткое объявление казалось фантастикой, информационным прорывом через глухой фронт равнодушной непогоды.

Я стояла на станционном крыльце под деревянным козырьком и безнадежно смотрела на непроглядный вертикальный поток снегов. Такого снегопада не видела ещё никогда. Казалось, небо обрушилось на Землю. В такие минуты особенно чувствовалось царское, какое-то хищное, львиное, превосходство природы над маленьким человеком, который старается её покорить. Но вот

всего лишь несколько дней снегопада, и цивилизация замерла. Тяжелые снежины завихривалось под козырёк, так что крыльцо было уже залеплено мокрой белой шубой справа и слева. Только ступени, затоптанные пассажирами, ещё указывали место входа в вокзал. Но было ясно – пройдёт час, и крыльцо уже не спасётся от вьюжных заносов.

– Почему стоим?

Я оглянулась. Рядом оказалась девушка лет двадцати. Юное веселое лицо, сияние синих глаз и улыбка. Дорожная сумка в её руке говорила о том, что она – припозднившаяся пассажирка того же поезда.

– Мой дом далеко. Вот должна была уехать автобусом, но...сами видите...

– Ну, тогда пошли со мной.

– Куда? – удивилась я.

– Приглашаю на ночлег, а точнее, в гости ко мне. Меня зовут Кася. Кассандра. Вот так подшутили надо мной родители.

– Да, имя говорящее. А я вас не стесню, не помешаю?

– Давай на «ты».

– Хорошо.

– Ничуть не помешаешь. Я живу в общежитии в Городке Учёных. Слышала о таком?

– Нет. Я плохо знаю город.

– Городок построен несколько лет назад в районе нового научного центра. Это почти такой же Академгородок, как и в Новосибирске. Все, кто там живет, работают в НИИ.

– И ты тоже?

– Я молодой специалист. Приехала из Ленинграда. Физхимия – моя специальность.

– Получается, мы с тобой – коллеги. Я учусь на третьем курсе ТГУ, тоже химик, но органик.

– Ну, вот – я же сразу поняла, что ты родственная душа, – улыбнулась Кася. – Вперёд! Нас ждут великие дела!

Утопая в метельном мареве, пробиваясь через пуховый плен, мы уже приближались к автобусной остановке. Там толпились некоторые пассажиры поезда. Остальные, видимо, больше надеясь на трамвай, ушли в глубь квартала – к рельсовому пути. На проезжей части только что пропыхтевшим грейдером была проделана широкая колея, а вокруг вздымались трёхдневные снежные завалы, круто вознося к небу утрамбованные техникой склоны. Улица в объездах этих голубоватых гор была похожа на замёрзшую реку в жерле дикого каменного каньона.

Город, занесённый безбрежными снегами, был поражён какой-то глухой марсианской тишиной. Казалось, всё вымерло. А люди, толпившиеся тесной кучкой возле указателя остановки, выглядели затерянными во льдах первопроходцами. Обнадёживал лишь кое-где мерцавший в придорожных фонарях свет.

Не верилось, что может появиться хоть что-то, похожее на транспорт. Но автобус всё-таки пришёл, на удивление битком набитый пассажирами. Остановился, и стало видно, что крыша его и окна сверху залеплены мокрым снегом. Несмотря на природный катаклизм, жизнь брала своё. Все ожидающие плотно утрамбовались внутрь, и даже багаж вошёл, угнездившись на капоте и под сиденьями.

Ехали стоя, лицом друг к другу, почти вися на поручнях. Не замечая неудобств, Кася с горящими глазами рассказывала о сво-

ей работе. О том, что все корпуса НИИ выстроены в лесу, где живут настоящие белки. Они так призывали к общению, что позволяют людям кормить себя с руки. На соснах повсюду развешаны деревянные домики для этих красавиц. Сосновые аллеи, цветочные клумбы, белая сирень, липа, яблони разных сортов, ирга, виноградные плантации – всё это выращивают на территории сотрудники – энтузиасты.

Рассказывала Кася и о том, что все сотрудники живут дружно, потому что делают одно большое дело – очень нужное не только нашей стране, но и другим государствам, друзьям СССР. Говорила о научных связях с Москвой и многими городами.

– Если приедешь к нам работать, поймёшь – здесь трудится вся страна.

Кася рассказывала с гордостью, что исследования программируются на ВЦ, сыпала незнакомыми терминами. Говорила о курсах по информатике, куда ходит уже полгода. О том, что ей очень помогает знакомый программист.

– Без Вычислительного Центра мы – как без рук. Наверное, ещё несколько лет назад, всё это казалось фантастикой. А теперь – вот оно, рядом! И мне очень повезло, что я работаю здесь, в Сибири! Тут – передовой фронт науки!

Я слушала и удивлялась. Даже и подумать не могла, что такой сказочный научный городок появится в недрах ничем особым не отмеченного сибирского поселения. Мои знания о Бийске были невелики – бывшая Петровская крепость, казачья слобода, оберегающая когда-то границы Российской империи от набегов диких кочевых племён. Люди тут

веками жили, не меняя патриархального уклада. Во время войны в Бийск были эвакуированы некоторые заводы. Это всё, что знала о городе из учебников по истории. И вот – чудо! Крепость вдруг превратилась в научный центр. И уже прошло несколько лет, уже целый НИИ работает, а я, бывая здесь только проездом, ничего не знала об этом.

Автобус тем временем прибыл на конечную остановку. Мы с Касей оказались на круглой маленькой площади, со всех сторон прихваченной сосновым бором. Только павильон остановки и стеклянный кубик кафе указывали на то, что это не поляна в лесу, а вполне цивилизованное место.

Тишина, снегопад, сугробы, цветные пятиэтажные дома хороводом среди леса... И в этой тишине – громкий стрекот сороки, словно в настоящем лесу. Думала ли я ещё час назад, что окажусь в таёжном сказочном городке, в Бийске, который, получается, и не знала раньше. Вокзал, несколько узких улочек и мост через реку – вот всё, что доводилось увидеть из окна рейсового автобуса.

Я всегда торопилась домой – сильно скучала по родителям, по моим братьям и родному селу. Город мелькал за окном и оставался белым пятном – Терра Инкогнито.

Кася двинулась в глубь квартала. Я шествовала рядом, оглядывая на ходу открывавшиеся направо и налево улицы с маленькими голубыми маньчжурскими елями. Их густые ёжистые ветви торчали там и сям из-под сугробов. Улицы заканчивались, упираясь в снежные ряды высоких сосен – их розовые стволы стояли вдали сплошной стеной. Сосновый бор

живым крепостным валом окружал городок со всех сторон.

Комната, где жила Кася, была похожа на уютную библиотечку. Две стены с полками слева и справа – полностью забиты книгами, если не считать места, занятого диваном. Прямо по курсу – большое окно, в которое заглядывали всё те же сосны, почти прислоняясь игольчатыми ветками к стёклам. Возле окна – стол и два кресла. Вот всё, что обитало в этой крошечной светлице на втором этаже. Пока я раздевалась, несколько человек заглянули в дверь, радостно поздоровались с Касей, как с родным человеком. Кася убежала на кухню – куда-то в середину общего коридора, и вскоре вернулась с кофейником и сковородкой жареной картошки.

– Ешь, не стесняйся. Картошечка – чудо!

Между тем короткий день шёл на убыль. Невидимое солнце, скрытое за снегами, отправилось в своё закатное путешествие – на запад. К сумраку снегопада добавились настоящие сумерки зимнего вечера. За окном было уже совсем темно. И в этой темноте по-прежнему всё валил и валил неостановимо густой тяжёлый снег.

– Ну, как тебе наш городок? – спросила Кася.

– Просто сказка!

– Приезжай к нам работать после учёбы.

– Если будет место при распределении, обязательно выберу Бийск.

– Приезжай, не пожалеешь! Скоро откроется аспирантура. Можно будет работать и параллельно заниматься диссертацией. А люди! Какие люди здесь!

– Расскажи.

– Ну, особенно-то распространяться не могу. Вот о своём парне,

если хочешь, расскажу. Он работает со мной в одной лаборатории.

– Как его зовут?

– Михаил. Но в паспорте написано Иммануил. Это отец дал ему такое имя в честь Канта. Представляешь – Иммануил и Кассандра!

– Твой парень, он тоже химик?

– Нет, математик. Занимается обработкой наших экспериментов на ВЦ. Такого эрудита я встретила впервые в жизни. Он старше меня на десять лет и считает меня неразумным ребёнком. Просвещает, по возможности, но мне до него далеко. Я – обычный человек.

– А он что – гений?

– Может быть, гений. А может, больше.

– Как это?

– А вот так. Он знает всё, что ожидает нас в будущем.

– Так он пророк?

– Я думаю, да.

– Но ведь пророков не бывает. Это сказки. Мы же с тобой материалисты.

– То, что он говорит, это не предвидение, не пророчество. Это планируемая реальность.

На следующий день после завтрака, несмотря на снегопад, я решила отправиться на вокзал. Всё же текучая стена снега сильно поредела к утру. Появилась надежда на улучшение обстановки на дорогах. Обменялись адресами, и Кася сказала:

– Если не удастся уехать, возвращайся ко мне. И знай, что у тебя в Бийске теперь есть крыша над головой и друг. Я всегда буду рада тебе.

Мы обнялись, и я ушла на остановку. По дороге к вокзалу в окно автобуса с удивлением рассматривала то, что не удалось увидеть вчера – кварталы новостроек с новенькими пятиэтажными домами. Это была часть города, которая занимала огромную территорию, где мне ещё не приходилось бывать. Бийск, который считала маленьким городком, оказался промышленным центром, быстро разраставшимся вокруг новых предприятий. Видно было по всему, по масштабам строящихся производств и самого города, что это лишь часть грандиозного государственного плана.

Думала ли я тогда, что спустя несколько лет приеду именно сюда, в АНИИХТ, молодым специалистом. И те учёные, которые сейчас составляют славу города, края, России – все они, казавшиеся нам, вчерашним студентам, небожителями, станут когда-то руководителями грандиозных тематических исследований, в которых молодые специалисты играли не последнюю роль. Так Новогодняя сказка 1969 года стала частью моей жизни.

Бийск, квартал АБ, 1969 г

МОЯ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ ПРОФЕССИИ

Мой Бийск – это почти тридцать лет работы на одном и том же предприятии. Менялись названия (АНИИХТ, НПО «Алтай», ФНПЦ «Алтай»), но суть

оставалась неизменной – научно-исследовательский институт плюс его производственная база, где происходили внедрения новых технологий. Не стану вдаваться в

тонкости, чтобы не нарушить конфиденциальности, но популярным языком всё-таки расскажу, чем мне пришлось заниматься в НИИ, где и реализовалась моя первая профессия – химик-органик.

Химия – роскошная вещь, особенно всё, что связано со строением атомов и молекул. Химические реакции в электронном изображении похожи на танцы странных существ, то протягивающих друг другу руки, то отталкивающихся один от другого, то вдруг делящихся на части или поглощающих соседа. Всё как в жизни людей или бактерий. Разница лишь в том, что образованием или разрывом связей управляют электронные заряды, а не чувство голода, например.

Используя вот эти свойства молекул, я и занималась поиском путей создания новых соединений, которые обладали бы заданными характеристиками. Мне нужны были соединения с высокой, очень высокой энергетикой, но низкой температурой плавления. Есть такие классы соединений в органической химии. Сначала нужно было мысленно – теоретически – нарисовать ту молекулу, которая бы имела более высокую энергетику в сравнении с уже известными. Потом подобрать исходные соединения, что могли бы реагировать друг с другом нужным образом. Далее – найти условия (экспериментально), при которых реакция пройдёт заданным путём. Проанализировать продукты реакции, установить их строение. Найти условия выделения чистого целевого продукта. Изучить его физико-химические параметры, опробовать его в практических условиях применения – в сочетании с другими компонентами ракетных топлив. Затем разра-

ботать технологию производства этого нового компонента. Опробовать новую технологию в заводских условиях.

Результатом моей работы явилось создание новой молекулы, которая до моих исследований не существовала в природе. Соединение было изучено, найдены параметры его производства в промышленных условиях. На основе этой многолетней работы я защитила диссертацию, и мне была присвоена учёная степень кандидата химических наук.

Так закончилась эта – очень не простая работа. Кроме того, вещества, с которыми мне приходилось иметь дело, были весьма опасны в обращении. Каждый, кто достиг хорошего результата в исследовательской работе на этом направлении и защитил диссертацию, – мастер своего дела. И обязательно – творчески одарённый человек. В основе моей диссертации – огромное количество экспериментов, спланированных и проведённых лично мной, более двадцати изобретений и патентов, более сорока научных статей.

Поэтому я прекрасно понимаю, что несёт в себе звание города-наукограда. Бийск, действительно, наукоград – он дал научному сообществу много имён. Это люди, вклад которых в общее дело был обоснован, реализован практически, а значит, полезен стране. И не их вина, что рыночная политика 90-х обесценила труд многих и многих, отдавших свои творческие силы обороне.

Моя вторая профессия – это мои книги.

Каждая из них имеет свою историю и место в пространстве Бийска, где мысли и образы легли на бумагу. Может быть, когда-

нибудь я расскажу об этом. Злопахатели, коих всегда было великое множество, – издержки моей второй профессии. Бог им судья – так же как и мне.

Бийск – АНИИХТ – НПО «Алтай» – ФНПЦ «Алтай». 1973 – 2017 г

МОИ ВСЕЛЕННЫЕ – БИЙЧАНЕ

Мой город – это люди, которые вместе со мной строили Время и пространство Жизни. Для меня и Моего города они – самые знаменитые. Каждый из них – необъятная Вселенная!

Все они и есть история Моего Бийска, ибо история (повторюсь!) – это Имена, а не события сами по себе. Много и других людей осталось в памяти Моего города. Может быть, когда-то я расскажу и о них.

БРАТИЛОВ БОРИС ИВАНОВИЧ

Борис Иванович был первым, кто вышел на проходную, когда я приехала в НПО «Алтай» молодым специалистом. Ироническая улыбка, умные глаза, внешность дворянина – откуда-то из далёкого девятнадцатого века. Борис Иванович – эрудит и мудрец, химик от бога, единственный, кто в те времена, ещё не знавшие удобных персональных компьютеров, использовал для разработки новых технологий аппарат математического прогнозирования процесса. Все результаты его исследований обсчитывались на ВЦ. На основании большой серии экспериментов и их математической картины выдавались рекомендации по оптимизации технологии.

Борис Иванович работал над совершенствованием сложнейшего процесса производства одного из основных компонентов ракетных топлив. Множество технологических стадий, непрерывный процесс производства, где оптимизация любого параметра давала либо увеличение выхода конечного продукта, либо улучшение его качества.

Процесс, над которым работал Борис Иванович, – прообраз авто-

матизированного производства, дающего возможность осуществить его без участия человека. Все, кто трудился в лаборатории (группе) Братилова, боготворили его и как человека, и как учёного. Сам же он, фактически, жил на работе. Приходил в лабораторию раньше всех и уходил поздним вечером.

Вторым большим направлением, которым Борис Иванович занимался с таким же упорством, творческим подходом и тщательностью, была разработка технологии нового компонента – вещества, которое открывало большие перспективы для создания усовершенствованных составов ракетных топлив.

Прошло более сорока лет с тех пор, когда я впервые в 1973 году переступила порог двадцатого отдела, но как сейчас вижу Бориса Ивановича, сидящего за письменным столом в лабораторной комнате. Сотрудники уже ушли по домам, рабочий день закончился. И только я, не успев завершить эксперимент, стою перед вытяжкой, где в стеклянной установке при высокой температуре продол-

жается процесс получения промежуточного продукта.

Борис Иванович настолько погружался в расчёты, что не замечал ничего вокруг. Но в любой момент, когда требовался его совет, приходил на помощь молодым сотрудникам. Поражала его эрудиция, глубокие знания химии, технологии, математики, физики. Выпускник ЛТИ им. Ленсовета, он, по сути, имел кругозор академика.

Борис Иванович Братилев – мой главный учитель, который и сделал из меня, вчерашней студентки, специалиста-химика и технолога.

Недавно мне передали книгу, посвящённую истории двадцатого отдела. Выпустили её те, кто

сейчас работает в ФНПЦ «Алтай». Я искала в этой книге рассказ о талантливом учёном Братилеве, но среди множества других не нашла даже и его фотографии. Как будто и не было специалиста высочайшего класса, талантливого учёного, не было его уникальных работ и его учеников.

А между тем Борис Иванович и сейчас живёт в Бийске на квартале АБ, забытый всеми учёный, отдавший всю жизнь науке во имя обороны страны. Борис Иванович из той породы людей, для которых материальное всегда стояло на последнем месте, а на первом – дело, требующее напряжения интеллекта и глубоких научных знаний. Дело всей жизни! Теперь таких людей просто нет!

АНИИХТ – НПО «Алтай» – 70-90-е гг

КАУФМАН ИСААК ГЕННАДЬЕВИЧ

Исаак Геннадьевич Кауфман, доктор технических наук, профессор, был начальником двадцатого отдела. Мне не так часто приходилось беседовать с ним, но ежемесячно в его кабинете проходили заседания Учёного Совета, куда приглашались и молодые специалисты с докладами о результатах своих исследований. Там, в присутствии руководителей, молодые химики учились рассказывать о проделанной работе и защищать свои научные результаты, которые приходилось добывать самостоятельно на основе серийных экспериментов.

Последнее слово на Совете всегда принадлежало Исааку Геннадьевичу. Его оценка давала каждому экспериментатору понимание, в каком направлении двигаться дальше с учётом выска-

занных замечаний. А в остальное время начальник отдела был незаметен, ненавязчив. Вот это слово «руководил» – совсем не подходило к нему. Подсказывал? Да. Задавал нужные вопросы, интересовался, беседовал. Незаметно, одним словом, просто своим присутствием направлял работу в требуемое русло.

Исаак Геннадьевич никогда не повышал голоса, не выставлял напоказ эмоции. Внимательный взгляд, сочувствующая интонация – и всё! Но всегда – безошибочные суждения о вопросе, уверенность в своей правоте, видение научных перспектив. Для успешной работы в таком стиле необходим недюжинный интеллект, огромный научный кругозор, глубокие знания всех направлений, которыми занимался отдел.

Мы знали каждый своё направление, упорно углублялись в свою тему. Исаак Геннадьевич знал всё! Он был связующим звеном всех исследований. Благодаря ему, авторитет химиков в НИИ и на опытном заводе был непререкаем. И не потому, что начальник правил железной рукой, а потому, что имел блестящий ум, дипломатические способности и умение быть всегда в нужное время на том участке, где необходим.

Плюс ко всему – его человеческие качества. Люди, непростой коллектив – каждый со своим характером, амбициями, проблемами. Не помню ни одного человека, кто был бы обижен Исааком Геннадьевичем. Таких не обнаружилось ни одного за многие годы его руководства. У меня в то время часто болел сын, приходилось сидеть на больничном, просто отпрашиваться с работы. Никогда ни одного упрёка со стороны начальника отдела! Всегда – сочувствие и понимание ситуации.

После окончания ЛТИ имени Ленсовета он был направлен на Кемеровский завод «Коммунар», где приобрёл громадный произ-

водственный опыт. После чего в 1960 году его пригласили в Бийск – в только что открывшийся НИИ химической технологии. Исаак Геннадьевич создал сплочённый творческий коллектив учёных, который мог справиться с решением сложнейших задач. Ему удавалось держать такую атмосферу в отделе, когда каждый чувствовал свою незаменимость. Неповторимый отеческий стиль руководства, производственный опыт, глубокие академические знания – всё это удивительным образом соединилось в одном человеке. Исаак Геннадьевич – яркая творческая личность, настоящий учёный. Таких людей на моём пути больше не встретилось.

В начале 2000-х Исаак Геннадьевич Кауфман, доктор технических наук, профессор, Лауреат Государственной премии СССР, по приглашению родственников (его детей) уехал в США. Насколько мне известно, уехал не отдыхать, а работать, хотя было ему в то время уже 80 лет. В США (в отличие от наших порядков!) учёный остаётся таковым до конца жизни.

АНИИХТ – НПО «Алтай» – ФНПЦ «Алтай» – 70-90-е гг

ГАЕР СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

В начале я отнеслась к этому парню иронически. Пришёл он в наш дружный коллектив скромным молодым специалистом. Молодой удивил всех недюжинным любопытством и рвением. За короткое время поучаствовал во всех исследованиях.

Через год молодой специалист доклад на конференции подготовил. Так семимильными шагами

парень продвинулся в аспирантуру. Написал диссертацию и спешно защитил её. Никто из отдела никогда ранее не проделывал этот путь в столь рекордно короткие сроки. Но, как выяснилось позже, учёная степень этого парня пригодились не только ему, но и всем, кто вошёл в группу под его руководством, ибо как раз в это время грянула «перестройка», началась

конверсия. Научные сотрудники перешли на парфюмерное направление – создание новых лосьонов, духов, кремов. На первое место вышла потребность в коммерческих талантах. Вот тут-то и сыграл спасительную роль молодой кандидат наук.

Новая парфюмерия начинается с пакета документов – рецептуры, результаты испытаний на животных, на людях и так далее.

У молодого учёного нашлись родственники среди высоких медицинских чинов. Результаты работ стали стекаться в его руки – все заключения медиков, которые разрешали выпуск новой парфюмерии, оказались у молодого кандидата, равно как и рецептуры и прочие документы, без которых нельзя начать выпуск нового товара. Эти бумаги в его ловких руках быстро превратились в предмет купли-продажи. Как всё это случилось, никто и понять не успел.

Молодой учёный, теперь уже директор акционерного общества, мечтал наладить крупнотоннажное производство парфюмерии и фитобальзамов, а затем целиком перейти в коммерцию, что ему и удалось. За счёт его коммерческих способностей в это тяжёлое время, когда сотни и тысячи людей потеряли работу, большая группа научных сотрудников, в том числе и я, сумели выжить.

Как сейчас, вижу огромную железнодорожную потерну*, где на рельсах стоит передвижная цистерна объёмом примерно 120

кубических метров. В цистерне – медицинский спирт, разбавленный водой до концентрации 70%. Тут же находится фитосырьё – алтайские травы, упакованные в тканевые легкопроницаемые мешки. Ароматы душицы, мяты, чабреца, ромашки и прочих свежесушеных трав витают в воздухе, словно в раю. Аппаратчики загружают сырьё прямо в мешках в цистерну через люк. В её недрах происходит образование настойки для новой патентованной рецептуры лосьона. Где сейчас живёт и работает этот человек, я не знаю. Но уверена, он обрёл себя в этом мире – думаю, давно и прекрасно обосновался где-нибудь в США или Израиле. А, возможно, в Германии.

* * *

Спасибо Сергею Александровичу Гаеру за это благословенное время и фантастически приятную работу! Он, молодой человек, в то тяжёлое время играючи показал всем нам, как можно и нужно использовать особенности времени на пользу человеку. Это я говорю без всякой иронии. Делай дело, не сиди, сложа руки, и будет тебе счастье! Этот урок Сергея Гаера я хорошо усвоила. Именно дело помогло мне выжить тогда, когда, казалось, выжить было невозможно – после гибели моего единственного и горячо любимого сына.

* Потерна – коридор (галерея) внутри массивного сооружения, бетонная галерея, где ж/д цистерны укрываются от непогоды.

Люда была вторым человеком, с которым мне довелось тесно познакомиться на рабочем месте в АНИИХТ. И я, и Люда Казанцева – мы обе работали в группе Бориса Ивановича Братилова. Люда – в должности техника-технолога, но занималась она основами первоначальной математической обработки экспериментальных данных – училась готовить результаты работы для обчётов на ВЦ.

Кроме того, Людмиле приходилось проводить опытные наработки промежуточных и конечных продуктов в стеклянном оборудовании в лабораторных условиях.

Техник-технолог – без пяти минут инженер. Мы сразу подружились. Общая работа, общие интересы вне работы – кино, книги, ведь в те времена СССР был самой читающей страной в мире.

Люда тогда жила с родителями в большой квартире – в так называемой застройке типа К-9 на квартале АБ. Я – в новом девятиэтажном общежитии на Декабристов, 13. В 1974 году в мой первый отпуск мы с Людой и её будущим мужем поехали отдыхать к морю – в Ялту. Вот тогда Крым, действительно, был наш. Море, солнце, южный загар, экскурсии в Алушту, Алупку, Севастополь, Ливадию, в Массандровские погребки на дегустацию вин, Ласточкино Гнездо – сказка, которая уже никогда не повторилась, навсегда связана для меня с именем Люды Казанцевой.

Мы и сейчас дружим. Нечасто, но гуляем в сосновом бору на квартале АБ и по берегу Би, где с недавних пор (со времени великого наводнения в 2014 г.) посе-

лилась семья бобров. Откуда-то с верховий принесло островок – часть плотины вместе с бобровым домиком. Гуляем, вспоминаем прошлые годы, делимся сегодняшними событиями. Люда знает обо мне почти всё. Я о ней – тоже. Один вот этот факт, что есть в мире человек, у которого общее прошлое со мной, делает Бийск моим родным городом. Двоюродные родственники, живущие в Бийске, они знают меня именно как родственницу, но не знают как человека, специалиста, не знают моих книг. У нас нет общего прошлого, кроме памяти о моей двоюродной сестре Нине Черепановой – их бабушке. Нина умерла три года назад. После этого печального события в отношениях с моими родственниками осталось только настоящее.

А Люда Казанцева – часть всей моей жизни (кроме детства и школьной-студенческой юности), поэтому она более родной мне человек, чем бийская родня. Люда – это моя юность, зрелость и сегодняшний день. Это человек, наделённый редким упорядоченным умом, легко схватывающим технические знания. В прошлом году Люда, будучи уже бабушкой, прекрасно и быстро освоила езду на автомобиле, закончила автошколу, успешно сдала экзамены и получила права водителя категории В. Теперь катается по дорогам края, свободно справляясь с любыми дорожными проблемами. И при всём при этом она – бабушка, родоначальница большой семьи и душевный, интересный, творческий человек.

Начало Бийска литературного – правописание моей жизни (от слова «прав») – это Михаил Федорович Длуговской. Известный журналист, публицист, поэт и прозаик, он был, что называется, божеством для литераторов города. Единственный человек, уполномоченный рекомендовать произведения молодых авторов в печать, – тогда это было так. Именно – уполномоченный.

Газеты, коллективные сборники, альманах «Алтай» (тогда ещё альманах, как, впрочем, и теперь с 2015 г.) в те времена – всё это официальная периодическая печать. И рекомендации Михаила Федоровича имели вес, ведь руководителя литературного городского объединения назначала власть. Произведения, напечатанные в периодике в то время, фактически, становились пропуском в литературу или журналистику.

Отбор текстов и требования к ним были жесточайшими. Низкопробное по форме или по содержанию, а также и идеологически невыдержанное произведение просто отменялось. Но зато с молодыми авторами, чей талант был замечен, потом начиналась серьёзная работа. Молодой талант попадал в системную школу поэзии или прозы, становился учеником известных писателей. Работа с молодыми талантами тогда проводилась на государственной основе. Поэтому так важно было заметить одарённого человека на самых первых его шагах, увидеть в его ученических опытах творческие возможности, что дала природа.

Михаил Федорович имел зоркий глаз и безошибочное чутьё. Когда человек был творчески без-

надёжен, мэтр выносил вердикт: «Вам лучше заняться чем-нибудь другим». А ведь, действительно, одарённый автор заметен с первых строк, потому что поэтами не становятся – поэтами рождаются. Литературный дар – это именно дар от бога. Но, несмотря на суровый подход руководителя, люди всё равно тянулись к нему. Михаил Федорович был интеллигентным, эрудированным, интересным человеком, умелым оратором и внимательным собеседником.

Помню своё (какое-то летучее!) настроение в те дни, когда вечером после рабочего дня меня ждала встреча с братьями по перу. Занятия проходили в одной из комнат редакции «Бийского рабочего». Сначала на улице Советской в старинном кирпичном особняке, а потом – в светлой большой аудитории на Ленина -149, куда редакция газеты переехала в 80-х годах и заняла весь пятый этаж.

Творческий подъём тех лет необычайно украшал нашу жизнь. Впереди виделось светлое коммунистическое будущее, фантастические перспективы освоения космоса и покорение пространства и времени. Человек мыслился чуть ли не демиургом Вселенной. Наука и литература играли роль главных инструментов, движителей прогресса. Сейчас место науки и литературы успешно приватизировала торговля. А тогда и настоящее виделось в светлом лирическом регистре, и будущее казалось фантастически близким и прекрасным. А человечество должно было превратиться в справедливое сообщество умных и образованных творческих личностей.

Михаил Фёдорович – фронтовик, солдат, завоевавший для страны будущее, был для нас идеалом человека, журналиста и писателя. Мы учились у него не только видеть недостатки и достоинства текстов, но и учились жить

с открытой душой и горячим сердцем.

Михаил Фёдорович! Дорогой мой учитель! Вы живы для меня и до сих пор. Низко кланяюсь, приклоняюсь своей душой к вашей! Она осталась в этом городе – Моём Бийске!

Квартал АБ – ул. Ленинградская, 1974 – 2015 гг.